

§ П ГУМАНИТАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Любимова Т.М., Данилова А.А. —

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В МОДУСЕ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ

Аннотация: Предметом исследования статьи являются факторы, тенденции и структура многомерно-го явления языковой конфликтологии. В статье рассматриваются различные аспекты лингвистической конфликтологии (судебные иски к СМИ по защите чести, достоинства и деловой репутации; борьба с речевой агрессией, нецензурной бранью, манипуляцией сознанием, с использованием скрытых вставок, суггестивных приемов, НЛП-программирования в СМИ; автороведческая экспертиза; выявление различий при интерпретации законодательных актов) в их генетической связи с юридической герменевтикой и лингвопрагматикой, а также с позиции лингвистической безопасности личности, общества и государства. Лингвистическая экспертиза рассматривается как один из инструментов обеспечения лингвистической безопасности. В статье использован диалектический метод исследования в комплексе со сравнительно-историческим методом и в сочетании с герменевтическим методологическим подходом. Понятие лингвистической безопасности до сих пор употреблялось только применительно к деятельности печатных и электронных СМИ, в публикуемой статье его осмысление расширяется до масштабов угроз личности, общества, государства, так как оно реализует себя в диапазоне от микроуровня индивидуального сознания под воздействием «азбуки пропаганды» до мегауровня неадекватного понимания массовым сознанием международно-правовых документов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, конфликтология, лингвистическая безопасность, лингвопрагматика, юридическая герменевтика, инвективная лексика, манипуляция сознанием, суггестивность, скрытые вставки, нейролингвистическое программирование.

Выдающийся историк С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» приводит воспоминания Д.И. Фонвизина о преподавании в гимназиях его времени: «Накануне экзамена делают приготовление; вот в чем оно состоит: учитель пришел в кафтане, на коем было пять пуговиц, а на камзоле четыре; удивленный сею странностью, спросил я учителя о причине... “Пуговицы мои вам кажутся смешны, — говорил он, — но они суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтане значат пять склонений, а на камзоле — четыре спряжения... Когда станут спрашивать о каком-нибудь имени, какого склонения, тогда примечайте, за какую пуговицу возьмусь: если за вторую, то смело отвечайте: второго склонения. Со спряжениями поступайте,

смотря на мои камзольные пуговицы, и никогда ошибки не сделаете”»¹.

Более двух веков спустя современное общество уже не в шутку, а всерьез нуждается не только в грамматических экспертах с их менторскими жестами, но и в беспристрастной, научной лингвистической экспертизе на фоне многомерной языковой конфликтологии, вбирающей в себя и судебные иски к СМИ по защите чести, достоинства и деловой репутации; и криминалистическую текстологию применительно к защите авторских прав; и борьбу с речевой агрессией, с нецензурной бранью; и борьбу с языковым манипулированием сознанием, с использованием

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: ЭКСМО, 2007. С. 886.

скрытых вставок, суггестивных приемов, НЛП-программирования в СМИ; и противоречия, возникающие в процессе истолкования законодательных актов, и другие спорные моменты. «Развитие лингвистической экспертизы имеет принципиально важное значение для юриспруденции, поскольку особая роль любой экспертизы в общей системе права обусловлена тем, что “экспертиза является инструментом решения коллизионных ситуаций между субъектами права и, следовательно, инструментом защиты охраняемых правом интересов личности, общества и государства”»². В этом контексте понятие лингвистической безопасности, которое пока употребляется только применительно к печатным и электронным СМИ, может быть расширено до масштабов угроз личности, общества, государства, ибо оно реализует себя в диапазоне от микроуровня индивидуального сознания под воздействием суггестивной «азбуки пропаганды» до мегауровня неадекватного понимания мировым сообществом текстов резолюций ООН. Лингвистическая экспертиза может рассматриваться как один из инструментов обеспечения лингвистической безопасности.

Поскольку в законодательстве слова нередко квалифицируются как словесные действия волевого характера и интенциональной направленности (предварительный сговор, угрозы, клевета, оскорбления и т.д.), лингвистическая экспертиза использует понятийно-категориальный аппарат лингвопрагматики, одного из направлений лингвистики XX века, изучающей язык с позиции деятельности. Основы ее были заложены в работах Ч. С. Пирса, Ч.У. Морриса, Л. Витгенштейна, Д.Л. Остина, Д.Р. Сёрля.

Ч.С. Пирс формулирует основной принцип лингвопрагматики: «Каждый субъект предложения <...> должен быть Предписанием или Символом, который не только дает интерпретатору описание того, что должно быть сделано им <...>, чтобы получить Индекс индивидуального объекта <...>, относительно которого данное предложение репрезентируется как истинное, но каждый, кроме того, присваивает некоторое обозначение этому индивидуальному объекту»³. Это понимание значения слова через реализацию его в действиях и их последствиях

иллюстрируется примером: «Так, если мы заглянем в учебник химии в поисках определения лития, то убедимся, что особенность этого определения — или, скорее, этого предписания — состоит в том, что оно говорит вам, что обозначает слово “литий”, предписывая, что мы должны сделать, чтобы получить чувственное знакомства с объектом слова»⁴. Имена существительные и прилагательные мыслятся Ч.С. Пирсом как части некоторого глагола, обозначающего действие. Считая предикацию основной функцией предложения, он рассматривает ее во всем многообразии — аналогическая, деноминативная, диалектическая, прямая, сущностная, осуществленная, формальная, естественная.

По мысли Ч.У. Морриса, прагматика — это дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам: «Знаки “истинны”, поскольку они правильно обуславливают ожидания тех, кто ими пользуется, и тем самым более полно вызывают то поведение, которое имплицитно возбуждено в ожидании или интерпретации»⁵. По его утверждению, прагматисты отождествляют мыслительные явления с реакциями на знаки, сознание — с референцией при помощи знаков, разумное повеление — с управлением поступками путем предвидения последствий, которое становится возможным благодаря знакам.

Л. Витгенштейн пришел к пониманию языкового значения как прерогативы субъекта, а не языка: это было равнозначно прагматизации языкового значения, теряющего связь с семантикой. «В предложении еще не содержится его смысл, но, пожалуй, лишь возможность его выражения. <...> В предложении содержится форма его смысла, но не его содержание»⁶. На его взгляд, имена подобны точкам, предложения подобны стрелкам, ибо они имеют смысл. Только в контексте предложения имя обладает значением, реализуя себя через предикативность.

Деятельностный (акциональный) принцип был разработан Д.Л. Остином и Д.Р. Сёрлем, создавшими теорию речевых актов, конструктами которой являются перформативность и иллокутивность. Перформативы предполагают прямое отождествление слова и действия в процессе речевого акта;

⁴ Там же.

⁵ Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982 // elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm

⁶ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // philosophy.ru/library/witt/01/01.html

² Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М.: Галерея, 2002. С. 258.

³ Пирс Ч. Элементы логики. Grammatica speculativa // elenakosilova.narod.ru/studia/pierce.htm

иллокутивы, классифицированные Д.Р. Сёрлем на репрезентативы, директивы, экспрессивы, декларативы и комиссивы, имеют более опосредованное отношение к действию. «При высказывании говорящий <...> совершает акты: информирует слушающих либо вызывает у них раздражение или скуку. Он также осуществляет акты, состоящие в упоминании тех или иных лиц, мест. Кроме того, он высказывает утверждение или задает вопрос, отдает команду или докладывает, поздравляет или предупреждает, то есть совершает акт из числа тех, которые Остин назвал иллокутивными <...>. Примерами английских глаголов и глагольных словосочетаний, связанных с иллокутивными актами, являются: state “излагать, констатировать, утверждать”, assert “утверждать, заявлять”, describe “описывать”, warn “предупреждать”, remark “замечать”, comment “комментировать”, command “командовать”, order “приказывать”, request “просить”, criticize “критиковать”, apologize “извиняться”, censure “порицать”, approve “одобрять”, welcome “приветствовать”, promise “обещать”, express approval “выражать одобрение” и express regret “выражать сожаление”. Остин утверждал, что в английском языке таких выражений более тысячи»⁷. Все они прямо или опосредованно равносильны реализации действия.

Итак, лингвистическая экспертиза генетически связана с лингвопрагматикой, но она имеет и другой источник. «Лингвистическая экспертиза как особый вид (или жанр) филологического исследования непосредственно относится к той области филологии, которая объединяется герменевтикой (греч. hermēneutikē от hermēuō — испытываю, комментирую). Эта древнейшая отрасль филологии <...> занимается критикой текста, его комментированием, анализом речевой и композиционной структуры в связи с его содержанием, истолкованием композиционно-речевой структуры текста <...>. Герменевтика устанавливает подлинный, канонический вариант известного текста, авторство анонимных и псевдо-анонимных словесных произведений. Принципы герменевтики находят свою реализацию в таких филологических дисциплинах, как текстология, стилистика, палеография, эвристика»⁸

⁷ Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986. С. 151.

⁸ Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. С. 324.

Если предыстория герменевтики уходит своими корнями во времена античности, а затем патристики, то современная герменевтика как интерпретация текста ведет свое начало от Ф. Шлейермахера. По мысли Х.-Г. Гадамера, именно благодаря открытию немецкого романтизма «понятие интерпретации утрачивает свое педагогически-оказиональное значение, которое оно имело в XVIII столетии, и занимает свое систематическое место, характеризуемое тем ключевым положением, которое получила проблема языка в философии вообще»⁹. Ф. Шлейермахер первым ввел понятие «герменевтического круга», то есть сохранения тотальности объекта понимания и удержание целостности операции истолкования.

Как философское учение герменевтика складывается в рамках феноменологии Э. Гуссерля. Познание как обращение к вещам, очищенным от словесных нагромождений, осуществляется, согласно Э. Гуссерлю, на поле чистого сознания через описание «феноменов», которые открываются на основе принципа феноменологической редукции ероче (греч.: остановка в суждении). «Сознание предстает в феноменологии как поле значений и смыслов — тем самым открывается возможность интерпретации, а следовательно, герменевтики»¹⁰. Однако поскольку для Э. Гуссерля мир конституирован сознанием, которое и является единственной абсолютной реальностью, интерпретация смыслов подчинена рефлексии: сознание скорее творит смыслы, чем раскрывает их.

В экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера герменевтика оформляется как онтологическое философское исследование: феноменология сознания направлена не на рассмотрение процесса смыслопорождения, а на исследование условий человеческого существования, к которым отнесены два фундаментальных параметра: «положенность» и «понимание». Герменевтический концепт «понимание» трактуется М. Хайдеггером как способ погружения мыслящего в предмет своей мысли. «Соответственно мы слушаем язык таким образом, что даем ему сказать свой сказ. Каким бы образом мы ни слушали, где бы мы что-либо ни слышали, это наше слушание есть прежде всего *допущение самосказывания*, уже содержащего в себе всякое восприятие и представление»¹¹.

⁹ Х.-Г. Гадамер. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 452.

¹⁰ В.С. Малахов. Герменевтика // Современная западная философия. М.: Изд. политической литературы, 1991. С. 74.

¹¹ М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 266.

Х.-Г. Гадамер отказывается от феноменологического подхода к сознанию как к самодостаточному, ограничивает фундаментальный для Э. Гуссерля принцип рефлексии принципом интерпретации. Х.-Г. Гадамер развивает в рамках онтологического подхода концепцию «герменевтического круга». Интерпретатор интеллектуально постигает текст и контекст, опираясь на пред-понимание. Основываясь на культурной памяти, он делает предположение, которое должен подтвердить дальнейший анализ текста. Если текст оказывает сопротивление, интерпретатор подбирает второй проект, «примеряет» следующие, и так до бесконечности. Отсюда следует вывод о принципиальной открытости интерпретации.

Итальянский философ Э. Бетти как один из тех философов, кому, по его собственным словам, «небезразлична объективность интерпретационных задач», стремится «противостоять этому натиску субъективности»¹², которую он видит в концепциях Гадамера, Бульмана и др. По его мысли, расширение, перемещение, дальнейшее развитие — это чисто аппликативные действия, которые могут быть благотворны для жизни общества, но в историческом истолковании они открывают простор для субъективного произвола¹³. Э. Бетти пишет об антиномии двух противоположных требований, которым истолкование должно удовлетворять в равной мере: «с одной стороны, от интерпретатора требуется объективность, ведь повторное конструирование смысла смылосодержащих форм должно как можно точнее соответствовать их содержанию»¹⁴; с другой стороны, неизбежна субъективность интерпретатора, перед которым стоит задача «воспроизвести в себе чужое мыслительное достояние и вновь создать его изнутри»¹⁵. Принципу объективности соответствуют канон герменевтической автономии объекта и канон смысловой связности; принципу субъективности — канон актуальности понимания и канон смыслового соответствия (герменевтический консонанс).

Против герменевтической онтологии Х.-Г. Гадамера полемически направлена также концепция Ю. Хабермаса. По мысли Ю. Хабермаса, герменевтическая потенция, то есть индивидуальная способ-

ность понимания, данная человеку а priori, должна быть дополнена коммуникативной компетенцией, или способностью понимать смысл. «Хабермас выделяет три степени языковой компетенции: 1) она может выступать как обыденное, житейское понимание; 2) она может быть средством понимания (сведение неизвестного к известному); 3) в виде философской герменевтики она становится “универсальной рефлексивностью”, становится критикой»¹⁶. Третья степень коммуникативной компетенции является универсальной теорией языка, то есть теорией социального действия.

П. Рикер, как и Э. Бетти, из онтологии понимания выводит прежде всего эпистемологические следствия. По мысли П. Рикера, необходимость герменевтики, то есть интерпретационной деятельности, обусловлена тем, что жизнь и история объективированы в символах, представляющих собой сигнификативные модели, прямой смысл которых отсылает к непрямому, фигуративному смыслу. Через дешифровку скрытых смыслов обнаруживается множество интерпретативных структур; следовательно, необходимо блокировать абсолютизацию одной из них и оценить достоинства каждой. Герменевтическое понимание реализуется на трех уровнях — семантическом, рефлексивном, экзистенциальном. На семантическом уровне исследование значений символических образований не было бы полным без психоанализа (и других современных экспликационных теорий) — «без убедительного доказательства следов памяти о важнейших травматизирующих событиях, испытанных человечеством»¹⁷. На рефлексивном уровне понимание многозначных смыслов есть одновременно и самопонимание: «Риторика имеет дело не с языковыми явлениями, а с явлениями субъективными, прорывающимися в дискурсе»¹⁸. Поэтому, по мысли П. Рикера, не существует единой теории интерпретации: взамен предлагается критический анализ всех возможных методов интерпретации от психоанализа до структурализма.

Несомненно, что при проведении лингвистической экспертизы по юридическим и документационным спорам, за которой следуют ответственные

¹² Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2001. С. 106.

¹³ Там же. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В.Л. Шульц. Теоретико-методологические проблемы социального познания в современной западной социальной философии. Дис. ... докт. философских наук. Л.: ЛГУ, 1989. С. 232.

¹⁷ П. Рикер. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996. С. 39.

¹⁸ Там же. С. 73.

решения и решительные действия, специалисты должны опираться не на субъективность, а на связанные с принципом объективности каноны герменевтической методологии: «В области права герменевтический канон целостности применяется сегодня при истолковании как объяснений и действий, так и правовых норм и иных предписаний <...> При истолковании правовых норм и законов толкователи <...> апеллируют к канону тотальности, прежде всего в случаях, когда требуется исключить толкования, которые могут нарушить последовательность системы, выработанной средствами правовой догматики и включающей в себя толкуемую правовую норму, — например, когда возникает необходимость, сообразно требованиям международного частного права, исключить применение отдельных принципов судебного решения, почерпнутых из чужого правового порядка, в той мере, в какой они противоречат духу собственного правового порядка»¹⁹.

Юридическая герменевтика, положенная в основу лингвистической экспертизы, применима на широком поле языковой конфликтологии, охватывающем столь неоднородные явления, как 1) защита русского языка как языковой основы российской государственности, 2) иски об унижении чести, достоинства, деловой репутации и по другим правонарушениям, совершаемым путем вербального поведения; 3) правовое регулирование в сфере использования в СМИ скрытых вставок, суггестивных приемов, языкового манипулирования, воздействующих на подсознание людей и приносящих вред их здоровью; 4) защита авторских прав путем диагностики автора текста; 5) истинное толкование правовых норм, разъяснение обобщенных и размытых формулировок законодательства как первостепенное условие соблюдения законности.

1. Любые гетерогенные процессы в системе современного русского языка, будь то нарушение его чистоты, нецензурная речь, другие формы языковой агрессии, пласты новой лексики, недоступной пониманию многих носителей языка, — имеют последствия и на уровне личности (искажение информационной картины мира современного человека, которая создается вербальными средствами; нарушение защитных механизмов сознания личности при восприятии бранной, обценной лексики), и в масштабах общества и государства (девальвация статуса языка как основы государственности, ин-

струмента интеграции социального пространства, механизма культурной преемственности народа). Два десятилетия назад филологи-русисты отмечали ряд негативных моментов, сопряженных с функционированием русского языка: стилистическая и фонетическая ущербность речи, которая культивируется в средствах массовой информации; снижение словесно-эстетического качества литературы за счет формирования обширного рынка развлекательной литературы; широкое распространение уголовной лексики и сленга; засилье англицизмов; смещение семантики целых лексических пластов в связи с переосмыслением традиционных ценностей; отставание в самом ядре новейших языковых технологий, таких как компьютерная речь; сокращение персоналистического фундамента русского языка, то есть русскоговорящих — в России, на постсоветском пространстве и в мире²⁰. За истекшие годы были предприняты немалые усилия по возрождению чистоты и правильности русского языка, по защите его прав и прав русскоговорящих, в частности, приняты «Закон о государственном языке Российской Федерации» (2005) и «Закон о внесении изменений в статью 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях» (2013), более известный как Закон о нецензурной брани в СМИ. Однако первому из этих законов суждено было стать явлением декларативным: очевидно, что он не создал юридический механизм для оздоровления бытовой русской речи, в которой именно за последние годы обценная (матерная) лексика стала привычным способом связи слов между собой, а «дыр бул щыл»²¹ научнообразных англицизмов препятствует адекватному пониманию смысла даже в среде образованных людей. Лимитационный характер второго закона (действие его ограничено относительно благополучным массово-информационным пространством, фильтруемым от самотека) не способствует сохранению душевного равновесия и защите нравственного самочувствия русскоговорящих в естественной языковой среде.

2. «В новом уголовном и гражданском законодательстве РФ теперь уже насчитывается около трех десятков типично «журналистских» правонарушений: унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, клевета, распространение

¹⁹ Бетти Э. Указ. соч. С. 35.

²⁰ Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка // Вестник Моск. ун-та. Филология. 1995. № 3. С. 118.

²¹ Начало стихотворения поэта-футуриста А. Е. Крученых.

материалов противоправного содержания, пропагандирующих расовое и национальное превосходство, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам и пр. Их особенность состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности в СМИ»²². Это вербальное поведение строится на использовании инвективной лексики, относящейся к литературному языку, но концентрирующей в себе негативную энергию осуждения и очернения, и лишь квалифицированная лингвистическая экспертиза во избежание произвола, перегибов, нон-сенсов и ошибок правомочна установить, имеет ли место злоупотребление свободой слова. Например, известен факт обращения в Общественную коллегию по жалобам на прессу вице-спикера Госдумы С. Железняк по поводу статьи журналиста Г. Янса «Политическая проституция сменила пол», пафос которой был обращен против трех женщин-депутатов. Резкая реакция инициатора этого иска вполне мотивирована: слово «проститутка» относится к первому разряду инвективной лексики, включающей в себя слова, обозначающие антиценности и негативные модели социального поведения, которые при метафорическом их употреблении круто наращивают свой очерняющий потенциал. Вместе с тем, по словам журналиста, иск вице-спикера бесперспективен, ибо две лингвистические экспертизы, в которых говорилось про архетипы и типические черты, не нашли в статье ничего оскорбительного для женщин-депутатов.

3. Форма передачи информации может быть не только открытой вербальной, но и скрытой, суггестивной, подтекстовой, что осложняет оценку текста при возникновении споров. Как считают некоторые лингвоэксперты, такие явления, как языковое манипулирование, суггестивное использование языка в рекламных и избирательных кампаниях остаются пока вне сферы правового регулирования в основном потому, что лингвисты не могут предложить надежных способов экспликации названных феноменов²³. Это утверждение вызывает возражения. Лингвистический аспект манипуляции сознанием всесторонне изучен в работах зарубежных и отечественных исследователей, некоторые из которых мы

упомянем. Американский лингвист Д. Болинджер посвящает свою статью «Истина — проблема лингвистическая»²⁴ изучению лжи и «словесного мошенничества», скрытых в пресуппозициях, недомолвках и окольных выражениях, а также в стилистически и эмоционально нагруженных элементах лексики. Немецкий исследователь Х. Вайнрих²⁵ на основе четырех основных законов семантики показывает некоторые языковые пути превращения истины в ложь. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон²⁶ демонстрируют способность языковых метафор творить иллюзии и деформировать реалии. Французский журналист Ж. Саленг²⁷ на примере медиа-языка войны раскрывает технологию создания политических эвфемизмов, моделирующих сознание читателя в нужном направлении. Отечественные исследователи еще в советское время изучили языковую манипуляцию сознанием на основе полилексии и языковой фасцинации; при помощи употребления слов с коннотациями для искажения и тенденциозного представления информации; путем использования слов-прикрытий и сложных политических эвфемизмов²⁸. Т.Н. Николаева определяет способы «информационного манкирования» с целью оказания давления на собеседника (универсальные высказывания, генерализации, неявное указание на общепринятую норму, маскировка под пресуппозиции, неопределенный референтный индекс, умножение действий (имен, ситуаций), коммуникативный саботаж). Анализировался также механизм номинации с использованием «пустых» слов (слов обобщенной семантики); демонстрировались технологии авторов воздействующего текста по выбору из семантического поля слова, наиболее удаленного по смыслу от семантического ядра, а также многозначного слова²⁹.

²⁴ Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БДК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 23–44.

²⁵ Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. С. 44–88.

²⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. С. 126–172.

²⁷ Salingue J. Lexique médiatique de la guerre de Libye // Acrimed. 2011. 28 mars. www.acrimed.org/auteur/975.html.

²⁸ Техника дезинформации и обмана: Под. ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.

²⁹ Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2009.

²² Цена слова. С. 229

²³ Цена слова. С. 262.

Очевидно, обоснованность и аргументированность оценки при юридической квалификации текста скрытой формы, содержащего приемы манипуляции сознанием, не сводится только «к надежным способам экспликации феномена», то есть к адекватному пониманию механизмов лингвистического воздействия. Ведь, по мысли большинства исследователей, манипулирование словом — это скрытое языковое воздействие на адресата вопреки его воле и интересам, в направлении, выгодном манипулятору. Иначе говоря, даже при полной прозрачности лингвистического механизма воздействия понимание самого феномена манипуляции сознанием затуманивается многомерностью устанавливаемых словом метаязыковых референций (воля, интерес, выгода и пр.), которые концептуализируются в категориях психологии, политологии, социологии и т.д. и их междисциплинарных моделей. Поэтому упомянутое в Федеральном законе о «Средствах массовой информации» использование специальных средств, «воздействующих на подсознание людей и оказывающих вредное влияние на их здоровье» подлежит правовому регулированию лишь в случаях очевидного психофизиологического влияния, поддающегося биометрическим измерениям, таких как 25–ый кадр или диспаратный ряд. (Широко известен, например, американский эксперимент с эффектом 25-го кадра: в фильм были вмонтированы единичные вставки с рекламой поп-корна, длительность которых была недостаточной для их осознания, но которые после просмотра вызвали у зрителей усиленный спрос на рекламируемую продукцию; или эксперимент с видеофильмом, где в горизонтальной и вертикальной плоскостях вращались положительные, отрицательные и нейтральные кадры длительностью в 1/16 долю секунды, после демонстрации которого измерения степени тревожности зрителей прямо соответствовали характеру сублимарных кадров³⁰). В более сложных случаях воздействия, не укладывающихся в бихевиористскую схему «стимул-реакция», следует апеллировать не к нормам права, а к возможным механизмам защиты индивидуального и общественного сознания от манипуляции. Главным рычагом этого механизма должно быть намерение сделать скрытое явным, обнажить неявные смыслы и тайные интенции манипулятора. В результате манипуляция сознанием должна перейти в разряд

заурядной тенденциозной информации, против которой можно провести «вакцинацию» логическим, рациональным путем.

4. Одной из судебных экспертиз, в которой используются лингвистические знания, является автороведческая экспертиза, изучающая письменный (рукописный или печатный) текст. При этом решаются задачи «по идентификации и диагностике (установление облика) автора текста, его социо-психологических характеристик по проявлениям в тексте тех или иных лингвистических особенностей, установление факта соавторства, выполнения текста под диктовку и др.»³¹. Разновидностью этой экспертизы является проверка текстовых документов на наличие в них заимствований. К примеру, разработанная недавно сетевая программа «Антиплагиат» позволила сделать сенсационные разоблачения в сфере подготовки диссертаций на соискание ученой степени. В последнее время практика массовых заимствований из сетевых источников и т.н. некорректного цитирования ставит под угрозу защиту авторских прав, особенно в научной сфере. Это паразитирование на чужой интеллектуальной собственности широко распространяется в условиях кризиса, связанного с пролиферацией имитационных научных моделей, который мы переживаем вслед за Западом: о нем упоминает долго живший на Западе русский философ А. А. Зиновьев, его пародирует итальянский мыслитель: «Организуется факультет сравнительных ненужностей, где изучаются науки либо ненужные, либо невозможные. Цель учебного заведения — подготовка кадров, способных открывать и исследовать как можно большее количество Новых Ненужных Научных Проблем — НННП. Факультет какопрагмософии проводит подготовительные курсы, воспитывая в учащихся тягу к ненужностям. Крупные научные силы сосредоточены на несусветном факультете, большая их часть — на кафедре невозможностей. Примеры — цыганская урбанистика или коневодство у ацтеков. Морфематика Морзе. История хлебопашества в Антарктиде. Живопись острова Пасхи. Современная шумерская литература. Самоуправление в специнтернатах. Ассиро-вавилонская филателия. Колесо в технологиях доколумбийских цивилизаций. Фонетика немого кино. — А как насчет социологии Сахары? — Надо привлечь»³².

³⁰ См.: Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск: Харвест, 2011. С. 172.

³¹ Цена слова. С. 246.

³² Эко У. Маятник Фуко. М.: Астрель: CORPUS, 2012. С. 104–105.

5. Лингвистические знания востребованы также при уяснении истинного смысла правовых норм. В теории права разработано даже учение о грамматическом толковании, включающее в себя методы анализа речевых форм законодательного акта. Проблема интерпретации законодательного текста может приобретать критический характер, как, например, при обращении к законам, утвержденным Федеральным Собранием РФ в словесной форме обобщенного и семантически размытого характера.

Обратимся, к примеру, к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности». При определенных условиях обобщенно-размытая семантика формулировок может стать основой для субъективистского прочтения. Например, закон запрещает деятельность, направленную на «пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности». При прямолинейном истолковании этого положения под запретом могут оказаться и православные СМИ, занимающиеся пропагандой исключительности людей духовного подвига, и идеология социалистической направленности, возвеличивающая человека труда (пропаганда...превосходства...по признаку...социальной...принадлежности). То есть может получиться идеологическая конструкция экстремизма.

Эта же тенденция характерна и для некоторых международных правовых документов. Рассмотрим, к примеру, определение терроризма в документах ООН:

«Любое деяние представляет собой акт терроризма, если оно направлено на причинение смерти или тяжких телесных повреждений гражданским лицам или некомбатантам с целью устрашить население или заставить правительство или международные организации совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»³³. В этом предложении присутствуют семантическая размытость и субъективность, которые можно прояснить с опорой на инструментарий лингвопрагматики³⁴. Согласно концепции представителя

лингвопрагматики Ш. Балли, любое предложение членится на **диктум (пропозицию)** и **модус (субъективные компоненты)**. Диктумная часть предложения относится к области семантики; модусная же часть через свободу интерпретации и эмоциональность оценок имеет отношение к прагматике. В анализируемом определении к модусу можно отнести такие элементы высказывания, как «направлено» и «с целью устрашить население», к диктуму — весь основной текст. Именно модусная часть высказывания, которая определяется как надсемантическая и прагматическая по своей природе, сосредотачивает в себе речевую интенциональность, обусловленную индивидуально-психологическими и социально-политическими факторами, и тем самым коррелирует с экстралингвистической прагматикой. Очевидно, модусная часть определения терроризма до некоторой степени обусловлена реалиями современного мира, за которыми просматриваются геополитические интересы ряда стран, то есть лингвопрагматические аспекты анализируемого определения могут быть связаны с геополитической макропрагматикой. В чем эта связь заключается?

Если на декларативном уровне государства-члены ООН подтверждают в тексте свою приверженность основным принципам мировой стабильности, то «в подтексте» итоговых документов ощущается влияние «идеологии нового мира» в разнообразных ее модификациях (глобализм, «открытое общество» и т.д.), проповедующей уменьшение государственного влияния, отказ от международных принципов суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, стирание наций. В тексте итогового документа принцип суверенитета и территориальной целостности государств незаметно размывается за счет введения модусных, субъективных компонентов: (1) *направлено*; (2) *с целью устрашить население*.

Во-первых, в аду военного противоборства не всегда очевидна реальная *направленность* боевых действий, повлекших за собой гибель мирных жителей: не всегда возможно объективно определить, были эти потери трагическим побочным эффектом неизбежных военных действий или это так называемый слепой терроризм, когда гражданское население становится мишенью преступных сил.

Во-вторых, страх как продукт *устрашения* относится к субъективно и эмоционально детерминированным ментально-психологическим реакциям человека. В этом своем статусе субъективного, модусного элемента он вряд ли годится на то, чтобы входить в

³³ Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам, переменам. 4 декабря 2004 г. <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm/>.

³⁴ Подробнее см.: Любимова Т.М., Данилова А.А. Терроризм: лингвопрагматический анализ понятия //Национальная безопасность. 2011. № 5. С. 106–114.

опорную конструкцию международно-правового документа: все нищие, слабые, отверженные, мигранты с юга и т.д. потенциально могут быть зачислены в террористы при возникновении какого-либо непредвиденного конфликта, ибо они устрашают население. И тем более устроит население, по крайней мере добрую его половину — женщин и детей — дислокация воинского контингента с оружием, независимо от целей военного присутствия.

С такой формулировкой есть опасность, что в определенных исторических условиях законные действия национальных государств по поддержанию

своей территориальной целостности или подавлению очагов сепаратизма могут «подпасть» под определение терроризма стран-участниц ООН и повлечь за собой ошибочные международные санкции.

Итак, рассмотренные аспекты лингвоконфликтологии вызывают необходимость разработки единой, научной, комплексной методики проведения экспертизы, совмещающей в себе как генетический подход (научные положения герменевтики, лингвопрагматики и др.), так и постмодернистскую энциклопедичность (гипертекстовую базу данных экспертных заключений).

Библиография

1. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2001.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат// philosophy.ru/library/witt/01/01.html
3. Гадамер Х. — Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2009.
5. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам, переменам. 4 декабря 2004 г. <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm/>.
6. Любимова Т.М., Данилова А.А.Терроризм: лингвопрагматический анализ понятия //Национальная безопасность / nota bene. 2011. № 5. С. 106–114.
7. В.С. Малахов. Герменевтика // Современная западная философия. М.: Изд. политической литературы, 1991.
8. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1982 // elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm
9. Николаева Т.Н. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИНИОН, 1988. С. 154–165.
10. Новое информационное законодательство РФ. Под ред. А.К. Симонова. М.: Медя, 2004.
11. Пирс Ч. Элементы логики. [Grammatica speculativa//elenakosilova.narod.ru/studia/pierce.htm](http://elenakosilova.narod.ru/studia/pierce.htm)
12. Понятия чести достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004.
13. П. Рикер. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М.: Искусство, 1996.
14. Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка //Вестник Моск. ун-та. Филология. 1995. № 3. С. 117–129.
15. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986.
16. Техника дезинформации и обмана: Под. ред. Я.Н. Засурского. М.: Мысль, 1978.
17. М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
18. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М.: Галерея, 2002.
19. В.Л. Шульц. Теоретико-методологические проблемы социального познания в современной западной социальной философии. Дис. ...докт. философских наук. Л.: ЛГУ, 1989.
20. Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск: БДК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
21. Salingue J. Lexique médiatique de la guerre de Libye// [Acrimed. 2011. 28 mars. www.acrimed.org/auteur975.html](http://Acrimed.2011.28.mars.www.acrimed.org/auteur975.html).
22. R. M. Aleynik . Apology Tolerance in the Contemporary Philosophy of Human. // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2013. — № 2. — С. 4–7. DOI: 10.7256/1339–3057.2013.2.9565.
23. Руднева Е.Г. Засилье новых слов. // Филология: научные исследования. — 2013. — № 4. — С. 359–366. DOI: 10.7256/2305–6177.2013.4.10559.

Гуманитарное обеспечение национальной безопасности

24. Строев А.Ф. Жанр поддельных политических завещаний: от Петра I до Сталина. // *Культура и искусство*. — 2013. — № 5. — С. 487–508. DOI: 10.7256/2222–1956.2013.5.9635.
25. В.А. Кутырев. Язык человека: от крика к тишине. // *Филология: научные исследования*. — 2013. — № 2. — С. 133–142. DOI: 10.7256/2305–6177.2013.2.8004.

References

1. Betti E. *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe*. M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya, 2001.
2. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat*// philosophy.ru/library/witt/01/01.html
3. Gadamer Kh. — G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germenevtiki*. M.: Progress, 1988.
4. Danilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii*. M.: Dobrosvet, 2009.
5. *Doklad Gruppy vysokogo urovnya po ugrozam, vyzovam, peremenam. 4 dekabrya 2004 g.* <http://www.un.org/russian/secureworld/report.htm/>.
6. Lyubimova T.M., Danilova A.A. *Terrorizm: lingvopragmaticheskii analiz ponyatiya* // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. 2011. № 5. S. 106–114.
7. V.S. Malakhov. *Germenevtika* // *Sovremennaya zapadnaya filosofiya*. M.: Izd. politicheskoi literatury, 1991.
8. Morris Ch.U. *Osnovaniya teorii znakov* // *Semiotika*. Pod red. Yu.S. Stepanova. M.: Raduga, 1982 // elenakosilova.narod.ru/studia/sinn/morris.htm
9. Nikolaeva T.N. *Lingvisticheskaya demagogiya* // *Pragmatika i problemy intensional'nosti*. M.: INION, 1988. S. 154–165.
10. *Novoe informatsionnoe zakonodatel'stvo RF*. Pod red. A.K. Simonova. M.: Medeya, 2004.
11. Pirs Ch. *Elementy logiki. Grammatica speculativa*// elenakosilova.narod.ru/studia/pierce.htm
12. *Ponyatiya chesti dostoinstva i delovoi reputatsii: Spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami*. Pol red. A.K. Simonova i M.V. Gorbanevskogo. M.: Medeya, 2004.
13. P. Riker. *Germenevtika i psikhoanaliz. Religiya i vera*. M.: Iskusstvo, 1996.
14. Rozhdestvenskii Yu.V. *O sovremennom polozhenii russkogo yazyka* // *Vestnik Mosk. un-ta. Filologiya*. 1995. № 3. S. 117–129.
15. Serl' Dzh. R. *Chto takoe rechevoi akt?* // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 17. — M., 1986.
16. *Tekhnika dezinformatsii i obmana: Pod. red. Ya.N. Zasurskogo*. M.: Mysl', 1978.
17. M. Khaidegger. *Vremya i bytie*. M.: Respublika, 1993.
18. *Tsena slova: Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii*. M.: Galereya, 2002.
19. V.L. Shul'ts. *Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'nogo poznaniya v sovremennoi zapadnoi sotsial'noi filosofii*. Dis. ...dokt. filosofskikh nauk. L.: LGU, 1989.
20. *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya*. Blagoveshchensk: BDK im. Boduena de Kurtene, 1998.
21. Salingue J. *Lexique médiatique de la guerre de Libye*// *Acrimed*. 2011. 28 mars. www.acrimed.org/auteur/975.html.
22. R. M. Aleynik . *Apology Tolerance in the Contemporary Philosophy of Human*. // *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*. — 2013. — № 2. — С. 4–7. DOI: 10.7256/1339–3057.2013.2.9565.
23. Rudneva E.G. *Zasil'e novykh slov*. // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. — 2013. — № 4. — С. 359–366. DOI: 10.7256/2305–6177.2013.4.10559.
24. Stroeв A.F. *Zhanr poddel'nykh politicheskikh zaveschaniy: ot Petra I do Stalina*. // *Kul'tura i iskusstvo*. — 2013. — № 5. — С. 487–508. DOI: 10.7256/2222–1956.2013.5.9635.
25. V.A. Kutyrev. *Yazyk cheloveka: ot krika k tishine*. // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. — 2013. — № 2. — С. 133–142. DOI: 10.7256/2305–6177.2013.2.8004.